ЧАСТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»

ЛЕКЦИЯ 2. ТЕМА 2. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК СПАСИТЕЛЬ РУСИ

Исторические предпосылки: Любечский съезд и дробление Руси

Политическая раздробленность Древнерусского государства была юридически оформлена на Любечском съезде 1097 года. Шесть князей — великий князь киевский Святополк Изяславич, переяславский князь Владимир Мономах, черниговские князья Давыд и Олег Святославичи, волынский князь Давыд Игоревич и теребовльский князь Василько Ростиславич — собрались в городе Любече на Днепре по инициативе Владимира Мономаха.

Главным решением съезда стало провозглашение принципа «каждо держит отчину свою» — каждый князь наследовал и удерживал земли своего отца. Тем самым Русская земля перестала считаться единым владением княжеского дома и превратилась в совокупность наследственных «отчин» отдельных ветвей династии Рюриковичей. Князья целовали крест и клялись совместно бороться с половецкой угрозой. Однако сразу вслед за съездом началась новая междоусобная война — Давыд Игоревич ослепил Василька Ростиславича, и компромисс рухнул.

Любечский съезд имел два исторических последствия. Во-первых, он юридически закрепил раздробленность, которая в дальнейшем привела к появлению полутора десятков самостоятельных княжеств-государств. Во-вторых, он продемонстрировал, что объединение князей было возможно лишь перед лицом общего врага. Через полтора столетия после Любеча эта закономерность вновь проявится в деятельности Александра Невского — с той лишь разницей, что вместо половцев над Русью нависла несравнимо более страшная угроза.

Монгольское нашествие и положение Руси в середине XIII века

Александр Ярославич родился 13 мая 1221 года (по старой историографической традиции — 30 мая 1220 года) в Переславле-Залесском в семье великого князя Ярослава Всеволодовича, внука Всеволода Большое Гнездо. Его детство пришлось на последние относительно мирные годы Руси. Когда Александру было шестнадцать лет, началось монгольское нашествие Батыя (1237–1240) — катастрофа, уничтожившая десятки русских городов и погубившая значительную часть населения.

Северо-запад Руси — Новгород и Псков — монголы не затронули. Однако именно здесь возникла другая угроза: с запада наступали шведы и рыцари Ливонского ордена, стремившиеся подчинить ослабленные русские земли. Русь оказалась между двух огней. В этих условиях перед молодым новгородским князем встал исторический выбор, определивший судьбу русского народа и государства.

Столкновение двух христианских миров: православие и католичество

Внешнеполитическое давление на Русь в XIII веке имело не только военный, но и религиозный смысл. Шведы и немецкие рыцари-крестоносцы действовали под прямым благословением папы римского. Их целью было не только территориальное завоевание, но и насаждение католичества на православных землях.

Папский престол рассматривал ослабленную нашествием Русь как объект для миссионерской экспансии. Важным прецедентом стал Четвёртый крестовый поход (1202–1204), первоначально объявленный для освобождения Иерусалима, но в действительности завершившийся захватом и разграблением Константинополя крестоносцами, не пощадившими православные святыни. Этот прецедент был хорошо известен на Руси и формировал отношение к западному христианству как к угрозе не только политической, но и духовной.

Папа римский Иннокентий IV предпринял дипломатические усилия: он дважды в 1248 году (22 января и в сентябре) направлял послания Александру Невскому с предложением принять церковную унию с Римом, получить королевскую корону и военную помощь против монголов в обмен на подчинение папскому престолу в

церковных делах. Ситуация была сложнее, чем может показаться: по некоторым данным, в середине 1240-х годов согласие на строительство католического храма во Пскове было дано псковским наместником, имевшим право принимать такие решения по «Судной грамоте». Папский легат архиепископ Альберт фон Зуербеер, известный склонностью к преувеличениям, истолковал это как готовность самого Александра к унии, хотя Александра в этот момент не было в Новгороде. В конечном счёте Александр ответил категорическим отказом: «си вся съведаем добре, а от вас учения не принимаем».

Невская битва (15 июля 1240 года)

Летом 1240 года шведский отряд вошёл в устье Невы и высадился при впадении реки Ижоры. По летописному преданию, шведский предводитель — предположительно ярл Биргер — намеревался продвинуться к Новгороду, воспользовавшись тем, что Новгород лишён поддержки южных княжеств.

Девятнадцатилетний Александр действовал стремительно. Не дожидаясь сбора всех новгородских сил, он с небольшой дружиной и новгородскими ополченцами атаковал шведский лагерь. Внезапность решила исход боя — шведы были разбиты и отступили на кораблях. Потери русских, по летописи, составили около двадцати человек. Масштаб сражения, вероятно, был преувеличен позднейшей традицией, но его стратегическое значение было реальным: шведская экспансия на Неву была остановлена, а противники Новгорода — шведы и ливонские рыцари — оказались разобщены. Александр получил прозвище «Невский».

Несмотря на победу, новгородские бояре и купцы, опасавшиеся усиления княжеской власти, вынудили Александра покинуть Новгород. Однако уже через год угроза со стороны Ливонского ордена заставила их вновь обратиться к нему за помощью.

Ледовое побоище (5 апреля 1242 года)

В 1240–1241 годах рыцари Ливонского ордена захватили Изборск и Псков — причём псковский посадник Твердило тайно вступил в сговор с рыцарями и сдал город. Затем немцы построили крепость Копорье на новгородских землях и стали планомерно продвигаться на восток.

Вернувшись в Новгород, Александр сначала отбил Копорье, затем освободил Псков при поддержке владимирской дружины своего брата Андрея Ярославича и двинулся навстречу основным силам ордена. 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера произошло решающее сражение.

Рыцари атаковали «свиньёй» — клиновидным строем, в котором тяжёлая конница шла остриём клина, а пехота — внутри построения. Они пробили центр русского войска, но увязли в нём. Фланговые удары русской конницы окружили рыцарей. По Новгородской первой летописи, орден потерял 400 рыцарей убитыми и 50 пленными — цифры, вероятно, преувеличенные: Ливонская рифмованная хроника сообщает о 20 убитых и 6 пленных братьях-рыцарях. Разница в подсчёте объясняется тем, что русская летопись учитывала всех комбатантов, а немецкая — только полноправных братьев-рыцарей. Однако безусловным остаётся сам факт поражения ордена.

Точное место сражения остаётся предметом дискуссии: из-за вековых изменений ландшафта установить его затруднительно. Массовое проваливание закованных в броню рыцарей под лёд, известное по художественной литературе и кинематографу, не подтверждается первоисточниками. Новгородская первая летопись старшего извода — ближайший к событиям источник XIII века — не содержит упоминания о потоплении рыцарей в воде. Фраза «а иных вода потопи» впервые появляется лишь в Софийской первой летописи — компиляции XV века, то есть примерно через двести лет после битвы. Советская экспедиция АН СССР 1956–1962 годов установила, что лёд в районе предполагаемого места битвы достигал значительной толщины и мог выдерживать большой вес, а глубина была небольшой.

По итогам Ледового побоища между Новгородом и Ливонским орденом был заключён мирный договор. Орден возвращал захваченные земли и отказывался от претензий на Псков и Новгород. Западная граница Руси стабилизировалась на десятилетия.

В то же время в историографии существует и критическая традиция. Историки Джон Феннел и Игорь Данилевский полагали, что значение Ледового побоища и в целом военных побед Александра Невского было преувеличено позднейшей традицией, а реальная военная угроза со стороны Ордена не была столь масштабной. Эта точка зрения не является общепринятой, однако в научном тексте о ней необходимо упомянуть для полноты картины.

Выбор союзников: Даниил Галицкий и Александр Невский

После побед над шведами и крестоносцами Александр столкнулся с главной дилеммой своей жизни. Русь была разорена монголами. Выбор стоял между двумя угрозами: Западом, который требовал церковной унии с Римом, и Ордой, которая не посягала на православную веру.

Два сильнейших русских князя того времени сделали противоположный выбор. **Даниил Романович Галицкий** избрал Запад. Первые контакты с папским престолом состоялись ещё в 1245–1246 годах, когда папский легат Плано Карпини, направлявшийся в Монголию, обсуждал с Даниилом вопрос воссоединения церквей. Тогда же, в 1245–1246 годах, Даниил был вынужден отправиться в Орду к Батыю и признать вассальную зависимость. Унижения, перенесённые во время этого визита, вызвали у него глубокое отторжение: по свидетельству Галицко-Волынской летописи, хан напоил Даниила кумысом и сказал: «Ты уже наш, татарин». «Злее зла честь татарская», — резюмировал летописец.

Переговоры Даниила с папским престолом продолжились в 1247 году, когда Галицко-Волынское княжество оказалось в сфере активных дипломатических усилий папы Иннокентия IV, направлявшего буллы с обещаниями помощи в обмен на церковную унию. В 1253 году Даниил принял из рук папских легатов королевскую корону в Дорогичине. На этом исполнение папских обещаний закончилось: никакой реальной военной помощи в противостоянии с Ордой Даниил не получил.

Оставленный без поддержки, Даниил попытался действовать самостоятельно. Он укреплял города и не позволял баскакам утверждаться на подвластных территориях. В 1254–1255 годах он предпринял наступление против татар и отвоевал ряд русских городов. Однако в 1259–1260 годах темник Бурундай нанёс ответный удар, опустошил галицкие и волынские города и заставил Даниила капитулировать.

Историк Георгий Вернадский в своих трудах оценивал последствия выбора Даниила следующим образом: Даниил выиграл несколько отдельных сражений, но проиграл главное — сохранил ли он православную идентичность юго-западной Руси? Результатом его политики, по мнению Вернадского, стали долгие века латинского господства над юго-западной Русью. Не прошло и ста лет после смерти Даниила, как вся его отчина — Галицко-Волынская земля — была расхватана соседями: уграми, поляками, литовцами. Эту оценку следует, однако, рассматривать в контексте историографической школы, к которой принадлежал Вернадский, и сопоставлять с позицией исследователей, считающих политику Даниила не предательством, а единственно возможной попыткой защитить свои земли в условиях, когда ниоткуда не приходила реальная помощь.

Александр Невский сделал противоположный выбор. Он отказался от союза с Западом и принял подчинение Орде. Этот выбор был не компромиссом слабого, а осознанной политикой. Александр, будучи профессиональным военным, прекрасно понимал, что шансов победить основные силы Орды в прямом столкновении у Руси не было. С другой стороны, Запад предлагал не реальную военную помощь, а королевский

титул в обмен на вероотступничество — как показал опыт Даниила Галицкого, обещания папы оставались невыполненными.

Русь и Орда. Отношение Александра с Ордой

Александр Невский четырежды ездил в Орду. Его отец Ярослав Всеволодович в 1243 году первым из русских князей приехал к Батыю за ярлыком на княжение, а в 1246 году умер в Каракоруме — по одной из версий, был отравлен, поскольку Плано Карпини сообщал о посинении тела, хотя прямых доказательств нет. Тем не менее Александр продолжил политику подчинения, понимая, что альтернатива — это новые карательные походы и полное уничтожение русских земель.

В 1252 году, когда брат Александра Андрей Ярославич вместе с галицко-волынским князем Даниилом Романовичем образовали антиордынский союз, Александр отправился в Орду и получил ярлык на великое княжение Владимирское. За непокорность Андрея Русь заплатила дорого: рать Неврюя разорила Владимирское княжество, а Андрей бежал из пределов Руси.

В 1257–1259 годах Александр Невский добивался от новгородцев принятия ордынской переписи и уплаты дани, подавляя сопротивление — зачинщиков бунта казнили. Эта политика была мучительной, но позволила избежать карательного набега на Северо-Западную Русь.

В 1262 году в Ростове, Суздале, Ярославле, Владимире и других городах вспыхнули восстания против злоупотреблений ордынских сборщиков дани. Александр в последний раз отправился в Орду — к хану Берке — чтобы отмолить русских людей от кары и добиться отмены набора русских воинов в монгольскую армию. На обратном пути он заболел и 14 ноября 1263 года скончался в Городце на Волге, приняв перед смертью монашеский постриг (по позднейшей традиции — с именем Алексий).

В историографии оценки политики Александра в отношении Орды варьируются от безоговорочного одобрения до обвинений в предательстве. Лев Гумилёв видел в Александре создателя русско-ордынского альянса, утверждая, что князь побратался с сыном Батыя Сартаком и стал приёмным сыном хана. Большинство историков отвергают эту версию как недоказуемую, но признают, что политика Александра была направлена на укрепление Владимиро-Суздальской земли посредством взаимодействия с Ордой и была сознательным, расчётливым выбором дальновидного политика. С другой стороны, исследователи критической школы — в частности Джон Феннел — считали, что Александр своими действиями укрепил ордынское иго, а его подчинение Орде было не вынужденной необходимостью, а личным политическим расчётом. Эти взаимоисключающие оценки отражают сложность и неоднозначность исторического выбора, перед которым стоял князь.

Историческое значение выбора Александра Невского

Александр Невский сделал выбор, определивший цивилизационный путь Руси. Он предпочёл подчинение Орде, которая не посягала на православную веру, язык и внутренний уклад жизни русских людей, проявляя веротерпимость, — союзу с Западом, требовавшим духовного подчинения, то есть церковной унии с Римом как условия любой помощи.

Опыт Галицко-Волынского княжества показал, к чему вёл западный выбор: через сто лет после смерти Даниила его земли были поделены между Польшей, Венгрией и Литвой, а православная идентичность населения оказалась под серьёзным давлением. Александр Невский, напротив, сохранил государственность Северо-Восточной Руси и её духовное ядро — православие. Его потомки, основав московскую династию и укрепившись, стряхнули с себя ордынское иго и открыли новую страницу в истории государства, которое получит имя Россия.

Вместе с тем необходимо признать, что оценка выбора Александра Невского во многом зависит от историографической позиции исследователя. Евразийская школа

(Гумилёв, Вернадский) видит в этом выборе глубоко продуманный цивилизационный поворот. Критическая школа (Феннел, Данилевский) ставит под сомнение как масштаб военных побед Александра, так и безальтернативность его союза с Ордой. Большинство современных учёных склоняются к взвешенной позиции: Александр Невский в условиях катастрофического поражения Руси от монголов выбрал меньшее из двух зол, и этот выбор, каким бы болезненным он ни был, позволил сохранить православную идентичность и территориальную основу будущей русской государственности.

Александр Невский был канонизирован Русской Православной Церковью в 1547 году и почитается как общерусский святой.